

СЕГОДНЯ В ТЕАТРЕ Эркеля премьера: вечер балета. Больше, чем обычно, «Волги» и «мерседесов» у театрального подъезда. Покупаю отпечатанную на меловой бумаге иллюстрированную со вкусом брошюрку — программу вечера. «Петрушка» Стравинского, «Дафнис и Хлоя» Равеля, «Жар-птица» Стравинского... Пояснительная статья напоминает о традициях русского балета, Фокине и Дягилеве, о Карсавиной и Нижинском... «Дафнис и Хлоя» идет у будапештцев в обновленной хореографии Имре Экка, оба балета Стравинского — в оригинальной хореографии Михаила Фокина, перенесенной на здешнюю сцену ленинградским балетмейстером Боярским.

Итак, три премьеры в один вечер! После каждой — освященный традицией ритуал.

Расклинавается героиня сегодняшнего спектакля Хлоя — Адель Орос, на редкость воздушная и изящная, чувствующая себя как дома в изысканной хореографии Экка, расклинается и сам Экк — 35-летний артист-балетмейстер, руководитель балетного коллектива «Соняна» в городе Печ. Эта молодая ищущая труппа гастролирует сейчас в нескольких кварталах отсюда. У них сегодня программа из балетов Бартока. Я знаю, что

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

спектакль «Соняны» начался на час позже обычного и Имре Экка помчит-ся сейчас на такси к себе, чтобы успеть выйти на сцену в облачении «чуждесного мандарина»...

Будапешт свободно выставляет сегодня вечером трехтысячную команду ценителей балета, и к тому же сотни «запасных» остались по ту сторону театрального подъезда.

Кто же пришел сегодня в театр Эркеля?

Взгляну сверху неповторимую सदояваскую голову Золтана Кодаи, дуайена венгерской музыки. 83-летний композитор, давно уже классик, не перестает жадно впитывать новое. В одной из лож д-р Чанади, министр путей сообщения и связи, один из завязанных будапештских театралов. Недавно министр признался журналистам, что театр для него лучший способ «отключиться». Приехав домой после театра, он со свежими силами садится за рукопись книги или готовится к завтрашней лекции в институте.

В одном из уголков фойе — разговор о московских гастролях театра имени Мадача. Здесь страшно ревниво следили за каждым спектаклем, радовались успеху «Гамлета» и похолодели, когда разнесся слух: Гамлет

— Миклош Габор то ли от волнения то ли от перемены климата потерял голос. Целую ночь напролет учил роль Габора в следующем спектакле молодой артист Гарич. Вводом такое не назовешь. Тут более уместно венгерское выражение: «беуграш» — «вскок». Все сошло благополучно. А через 48 часов Габор, подлеченный эскулапами МХАТа, невозмутимо пел куплеты Мэхита в «Трехгрошовой опере». Гости уехали из Москвы довольные успехом.

...Окончен спектакль в театре Эркеля. У подъезда не только «Волги» и «мерседесы», но и десятки полтора автобусов, которые развозят зрителей по всем основным маршрутам. Я сажусь в автобус двадцатого маршрута, идущего в сторону Уйпешта, рабочей окраины столицы. «Что-то поздно сегодня», — тоном знатока замечает кондукторша. «Премьера», — отвечают ей. «Что давали?» — «Стравинского». Водитель вмешивается: «Ну что ж, поезжали?» «Подождем, еще огни не погасли...» — отвечает кондукторша, и в голосе ее нотки уважения к театру.

Б. РОДИОНОВ,
соб. корр. «Известий».

БУДАПЕШТ.